СОФІЯ ПРЕГЕЛЬ

ПОЛДЕНЬ

ПАРИЖЪ

РУССКІЕ ПОЭТЫ

Выйдутъ въ этой же серіи въ ближайшее время сборники стиховъ слѣдующихъ авторовъ:

9. ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ
10. Л. КЕЛЬБЕРИНЪ
11. АЛЛА ГОЛОВИНА
12. ГЕОРГІЙ РАЕВСКІЙ

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ :

1. В. СМОЛЕНСКІЙ. — «Наединѣ».
2. З. ГИППІУСЪ. — «Сіянія».
3. Ю. ТЕРАПІАНО. — «На вѣтру».
4. Б. ПОПЛАВСКІЙ. —«Въ вѣнкѣ изъ воска».
5. Г. АДАМОВИЧЪ. — «На западѣ».
6. А. ГИНГЕРЪ. — «Жалоба и Торжество».
7. АМАРИ(М. Цетлинъ) —«Кровь на снѣгу».

Складъ изданія:

«ДОМЪ КНИГИ»

9, rue de l'Eperon, PARIS 6e.

СОФІЯ ПРЕГЕЛЬ

ПОЛДЕНЬ

ТРЕТЬЯ КНИГА СТИХОВЪ

« ДОМЪ КНИГИ »

и

« СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ »

ПАРИЖЪ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

РАЗГОВОРЪ СЪ ПАМЯТЬЮ. Книга стиховъ. Парижъ. 1935.

СОЛНЕЧНЫЙ ПРОИЗВОЛЪ. Вторая книга стиховъ. Парижъ. 1937.

ПОЛДЕНЬ

Въ тѣхъ сугробахъ на гулкой окраинѣ
Нашъ приземистый прятался домъ.
Были накрѣпко лужи запаяны
Синевато-мерцающимъ льдомъ.

Грѣлись окна подъ снѣжною ватою,
Распухали рѣшетки садовъ,
По утрамъ кучера бородатые
У трескучихъ топтались костровъ.

Солнце жгло, улыбалось и плавило,
Забавлялось щенкомъ на снѣгу,
На карнизахъ вороной картавило...
Помню — улица крылья расправила
И промчалась, звеня на бѣгу.

Не забуду и не предамъ
И мечты своей не заброшу.
Я пойду по звѣринымъ слѣдамъ,
Потащу муравьиную ношу.

Виноградной воспряну лозой
И плющемъ сползу осторожно,
И, какъ птица передъ грозой ,
Буду мыться въ пыли дорожной.

Я увижу ручьи и поля
И деревья въ таинственномъ ростѣ.
На лужайку, гдѣ Божья земля,
Буду къ травамъ захаживать въ гости.

Плачетъ въ голосъ убогая пристань,
И трубы догораетъ свѣча.
Мнѣ навстрѣчу боченокъ смолистый
Все бѣжитъ, недовольно ворча.

Парусовъ голубыя заплаты,
На разсвѣтѣ угаръ фонарей,
И сиротство тяжелыхъ канатовъ,
И заржавленность якорей, —

Это все удивленному взору
Представляется. Солнце взошло.
Поднимаюсь по лѣстницѣ въ гору,
Въ переулковъ живое тепло,

Гдѣ домишки невозмутимо
Прячутъ окна въ желтой золѣ.
Этихъ лавокъ заброшенныхъ мимо
Прохожу въ шерстяной полумглѣ,

И со мной провожатый незримый
Тоже ходитъ по этой любимой,
Пробуждающейся землѣ.

Слетались птицы на нежданный пиръ,
На скатерти слѣпое солнце гасло,
Въ тарелкахъ яростно блестѣло масло
И золотился запотѣвшій сыръ.

И на аллеи нѣжную канву
Узоръ лучей ложился непрестанно,
Горѣли свѣтлымъ пламенемъ каштаны,
Цвѣты роняя въ синюю траву.

Осенній міръ, что въ желтизнѣ зачахъ,
Опять вставалъ лучисто и багрово.
Тяжелая сирень цвѣла махрово
На буйно распустившихся кустахъ,

И на корѣ кипѣлъ червонный клей,
И кровью сердца истекала слива,
И вишни розово цвѣли. Шумливый
Въ пыли дорогъ купался воробей,

И даже пчелы пѣли незлобиво
Въ саду румяномъ юности моей!

Призываю воздухъ апрѣльскій,
Полустанка надтреснутый звонъ,
Вспоминаю широкіе рельсы,
Убѣгающіе въ небосклонъ.

Въ пыльныхъ стеклахъ утро неясно,
Затуманенъ вагонъ на мосту.
Вотъ начальникъ станціи въ красной
Фуражкѣ застылъ на посту.

Вотъ кирпичное зданіе грузно
Проплываетъ, лучится откосъ,
Стонетъ вѣтеръ въ поляхъ кукурузныхъ,
Злится дымъ и пыхтитъ паровозъ,

И бѣжитъ по дорогамъ горячій,
Межъ садовъ, средь погостовъ и хатъ,
И свиститъ и желаетъ удачи,
И глаза семафора собачьи
Темносиней слезою горятъ.

Безпомощнаго воробья слабѣе,
Теплѣе темнобураго щенка —
На сѣнокосномъ солнцѣ розовѣетъ
Его четырехлѣтняя щека.

Подстрижена подъ строгую гребенку
Его кудрей сіяющихъ волна.
Онъ ходитъ по полю, и гнется стебель тонкій,
И хлѣба разступается стѣна.

И вьется дымъ изъ трубъ космато-черный,
И прячется за крыши синева.
Онъ говоритъ, и нѣжность непокорно
Растетъ во мнѣ, какъ пышная трава.

Безплодныхъ женщинъ мука безъ отвѣта,
Всечасно пожирающій огонь...
Не разсказать, какъ, солнцемъ разогрѣта,
Огромный міръ въ себѣ вмѣщаетъ эта
Прозрачнѣйшая дѣтская ладонь.

Низко — низко летали птицы,
Неостывшій клубился жаръ,
Вечерами шипѣлъ краснолицый
И начищенный самоваръ.

И звучалъ все громче и чаще
Насѣкомыхъ согласный хоръ,
И прислуги въ ситцѣ хрустящемъ
У калитокъ вели разговоръ.

И откуда-то, съ поля, изъ сада ли,
Заглушенное пѣнье текло,
И пушистыя бабочки падали
На сіяющее стекло.

МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ.

Сказочные всѣ коростели,
Вся лѣсная тварь приходитъ на подмогу.
Камешками бѣлыми дорогу
Черную ты вѣрно устелилъ

Въ томъ краю ручьевъ и горныхъ рѣкъ,
За дубравъ коричневой стѣною,
Гдѣ поросшій мохомъ дровосѣкъ
Съ блѣдной жилъ заплаканной женою,

Тамъ, гдѣ непробудные лѣса,
Папоротникъ прячущіе древній,
Въ томъ краю, гдѣ плачутъ небеса
Надъ грибомъ приземистой деревни.

Различаю звѣриныя норы,
Нагоняю на бѣлокъ страхъ.
Солнце прячется, значитъ скоро
Зажелтѣетъ осень въ листахъ.

Воютъ воды голосомъ дикимъ,
И грозитъ скалы чернота.
На травѣ огоньки земляники,
Синекрасныя бусы черники
И куриная слѣпота.

Ни страданія, ни гордыни,
Ослѣпительной, неживой...
Я бреду огромной пустыней,
И полдневное небо стынетъ
Надъ кружащейся головой.

На станціи волшебное сіянье,
Небесный темносиній потолокъ,
И тѣни на утоптанной полянѣ,
И паровоза дачнаго свистокъ.

Фонарь отъ вѣтра сокрушенно клонитъ.
Смотрю впередъ, не разжимая вѣкъ,
И вижу я, зажмурившись, спросонья,
Какъ дыню на коричневой ладони
Смѣющійся подбрасываетъ грекъ.

1935.

Тамъ, гдѣ спаленныя низко
Травы въ степи торчатъ,
Вижу дѣтей киргизскихъ,
Солнечныхъ китайчатъ.

Гдѣ низкорослы лошадки,
Тамъ, гдѣ колодцевъ синь,
Тамъ ли играла въ прятки
Голубая полынь?

Паръ веселый и прыткій
Шелъ отъ лѣтней земли.
Со стариками въ кибиткѣ
Мы разговоръ вели.

И свирѣпыя осы,
И поющіе въ ладъ
Птицы, и конь хладноносый —
Всякій въ царствѣ раскосомъ
Былъ пріѣзжему радъ.

Броненосецъ въ порту величаво
Изъ моихъ выплывающій сновъ,
И на площади Пушкинъ курчавый
Средь напуганныхъ воробьевъ.

Узнаю по осеннему скрипу
Шорохъ листьевъ и птичій полетъ.
Въ юбкѣ сборчатой, въ кофтѣ на выпускъ
Кто-то мѣрнымъ шагомъ идетъ.

И знакомое наростанье ,
Словно пѣсня въ сердцѣ моемъ —
То булыжникъ постъ въ туманѣ
Подъ извозчичьимъ колесомъ.

Праздникъ бѣлѣе изюмнаго хлѣба,
Входитъ въ закатъ занавѣски шафранъ,
Сходитъ на землю съ тишайшего неба
Неповторимый вечерній туманъ.

Комнатный воздухъ мететъ и колеблетъ
Лампа съ таинственной высоты,
И свѣчей загораются стебли,
Книги вздрагиваютъ листы.

Смотритъ, внуковъ глазами мѣритъ,
Ищетъ звѣзду въ потемнѣвшемъ окнѣ...
Такъ ли пѣли гусиныя перья
На пергамента желтизнѣ,

Какъ усталое сердце это
Голосомъ полнымъ, ликуя, поетъ:
Благословенъ, Ты, Зиждитель Свѣта,
Благословено Имя Твое!

Памяти Я. Л. Тейтеля

Ты среди насъ былъ гостемъ богоданнымъ —
Какимъ бѣлѣла пухомъ голова,
Какимъ сіяли золотомъ нежданнымъ
О дружбѣ старомодныя слова!

И сердце уязвленное горѣло
Свѣчою въ нестерпимой темнотѣ,
Дорогу находило къ зачерствѣлымъ
И совѣсть потерявшимъ въ суетѣ.

И все порвалось въ страшный мигъ короткій
И мертвенной покрылось синевой:
Спокойная и милая походка,
Надтреснутый, негромкій голосъ твой,

Веселый взглядъ, чуть выпуклыя скулы,
И легкость въ серебристой сѣдинѣ,
И ласковость въ знакомой и сутулой,
По стариковски сгорбленной спинѣ...

И отблескъ доброты твоей безкрайной
Въ послѣдній разъ въ тяжелой вспыхнулъ мглѣ.
Я знаю, ты былъ гостемъ неслучайнымъ.
Какъ позабыть, что праведникомъ тайнымъ
Ты проходилъ по горестной землѣ!

Рабами были, на жалкую спину
Скорпіоны падали и бичи,
Съ потемнѣвшей кровью мѣсили глину,
Обжигали кровавые кирпичи.

И вдругъ сурово и необычно
Загремѣлъ въ ночи карающій громъ,
То посланникъ Бога косноязычный
Ударилъ въ души мѣднымъ жезломъ.

И склонились жрецы въ молчаніи длинномъ,
И упали въ прахъ служители зла,
И отъ страха разверзлась морская пучина,
И пустыня скорбный даръ приняла.

Такъ росла священная пѣсня Исхода
И бурлила, древнимъ огнемъ паля.
Мы открыли дверь, выпуская невзгоды,
Ожидая: придетъ Пророкъ-Илья,

И нахмуренно-старческимъ приголубитъ
Величавымъ взглядомъ столѣтнихъ глазъ,
Постоитъ у стола, вино пригубитъ
И послушаетъ долгій, дивный разсказъ.

Я городовъ перечислять не стану —
Въ ихъ радостной, іюньской чередѣ
Кружились тѣни вырѣзныхъ платановъ
На солнечномъ припекѣ площадей.

А въ деревняхъ ложился полдень тяжкій
На домиковъ пятнистую нугу,
Шумѣлъ мистраль, библейскіе барашки
Паслись на голубѣющемъ лугу.

Пылали окна въ златодневной мѣди,
Стучали ведра на густой зарѣ,
На старомъ проѣзжалъ велосипедѣ
Сіяющій и розовый кюре.

И мгла не какъ на сѣверѣ, иная,
Прозрачная, какъ горная вода,
На сердце нисходила, осѣняя...
И здѣсь, не у подножья ли Синая,
Пастушка и пророчица (кто знаетъ?)
Масличной вѣткою гнала стада.

На солнцѣ густѣетъ гречиха,
И травы стоятъ высоко.
Струится полдневно и тихо
Небесное молоко.

По краю дороги этой
Бѣжитъ голубая вода,
Лежатъ, разомлѣвши отъ свѣта,
Безлюдные города,

Гдѣ станція дремлетъ уныло
И старый кряхтитъ паровозъ,
Гдѣ только ушедшее мило,
Гдѣ птицы поютъ надъ могилой
Въ сіяньи фарфоровыхъ розъ.

Колокола протяжно дребезжали,
Носились пчелы, ласково гудя.
На деревенскомъ кладбищѣ лежали
Нотаріусъ, учитель и судья.

На ихъ могилахъ росъ левкой лиловый,
Играло солнце въ нѣжныхъ лепесткахъ.
По воскресеньямъ приходили вдовы,
Цвѣли букеты въ старческихъ рукахъ.

И были губы блѣдныя поджаты,
И выцвѣтшіе взоры такъ пусты.
Кремнистыя скрипѣли виновато
Дорожки, наклонялися кусты,
И падалъ птичій пухъ бѣлесоватый
На тонкіе чугунные кресты.

Это теченье будней печальныхъ,
Это скопленье отживших людей,
Однообразье провинціальныхъ,
Низко подстриженныхъ площадей.

Невозмутимо, въ положенныхъ срокахъ
Катится смерть, мѣдяками звеня,
И поспѣваетъ къ постели высокой,
Гдѣ оживленно толпится родня.

Знаю въ церковномъ, унылом трезвонѣ,
Темная какъ затоскуетъ душа,
Вынесутъ послѣ и похоронятъ,
Все обстоятельно, не спѣша.

И опять потянутся весны,
Будетъ рѣкъ нежданный разливъ,
Дождь, и вѣтеръ, и запахъ росный,
Колыханье серебряныхъ нивъ.

И среди всѣхъ и злыхъ и печальныхъ,
Однообразно отживших людей,
Это сіянье провинціальныхъ,
Низко подстриженныхъ площадей.

По краю улицъ, у млечныхъ,
Известковыхъ домовъ,
Вы видите въ трауръ вѣчныхъ,
Угрюмо шагающихъ вдовъ,

Ихъ стертыя лица и тонко
Морщинъ нацарапанныхъ сѣть.
Онѣ въ чернобурой клеенкѣ
Проносятъ базарную снѣдь.

Бровей удивленные знаки,
Подъ шляпой остатки косы.
За ними плетутся собаки,
Охрипшіе, старые псы.

И лаютъ и лаютъ безсильно
На острыя тѣни воротъ,
И имъ отвѣчая умильно,
Усмѣшкою замогильной
Кривится синѣющій ротъ.

Такъ мало отъ смѣшной и безпокойной
Осталось жизни. Кратокъ путь скорбей.
Покорность случаю, нѣмая дань судьбѣ,
Любви испепеляющія войны —

Все нозади. Въ опущенныхъ усахъ
Теперь одно виситъ презрѣнье вяло,
Скрывается непобѣдимый страхъ
Въ крутой груди подъ голубымъ крахмаломъ,

Расплеснутыя скучныя слова,
Подсчитанныя, страшныя потери...
О, старческій остроконечный черепъ
И кожи утомленной синева!

Отшумѣли мотоциклетки,
Въ темноту прошмыгнулъ автокаръ,
И бензинъ настойчиво-ѣдкій
Претворился въ закатный паръ.

И открылись горы и рдяно
Засіяли, невидныя днемъ,
И чудесно зажглись поляны
Одуванчиковъ бѣлымъ огнемъ,

И въ священнѣйшемъ безразличьи
Виноградникъ уснулъ на юру.
Какъ разглаживалъ платье птичье
Острый клювъ, затѣвая игру!

И коты у заборовъ бродили,
Отливали дома желтизной,
И деревья благовѣстили,
И земля въ густомъ изобильи
Возвращала сторицей зерно.

Сіяетъ лучъ, пробившійся сквозь щели
Наряднаго, крахмальнаго окна.
Прохладенъ холстъ неубранной постели
И сладостна подушекъ бѣлизна.

Встаетъ служанка. Скрипомъ половицы
Испуганъ домъ. Но снова тишина.
Платаны дремлютъ. Спятъ лѣсныя птицы.
Молчитъ опушка, въ сонъ погружена.

А здѣсь недавно, бѣшено и длинно
Рычалъ моторъ. Слѣпили фонари.
Въ пескѣ дорожномъ шелестѣли шины.
И вотъ сегодня окрикъ пѣтушиный
Привѣтствуетъ рожденіе зари.

Полдень волкомъ по городу рыщетъ
Средь задворокъ и жесткихъ оградъ,
Обѣляя лучемъ полунищій,
Покосившійся, грязный фасадъ.

Подъ собачьи визгливыя драки,
Въ шумѣ моря, растущемъ съ утра,
По бульвару гуляютъ зѣваки
И лохматая дѣтвора.

Темной пальмы пылаетъ корона,
Въ небѣ плаваетъ солнечный кругъ,
И кричитъ и сіяетъ зеленый,
Грубовато хохочущій югъ!

Радужный мячъ апельсина
Въ гущѣ колючихъ вѣтвей.
Строгій жандармъ пѣтушиный
Въ пряничной будкѣ своей.

Важный, какъ на парадѣ,
Пушекъ старинныхъ строй.
Пышетъ отъ розовыхъ ядеръ
Зрѣлой, полдневной жарой.

Солнца веселая бляха
Въ мѣдной виситъ вышинѣ.
Пробуетъ парикмахеръ
Бритву на жесткомъ ремнѣ,

Ходитъ, разставивъ колѣни,
Черенъ, лукавъ и небритъ.
Сонно качаясь отъ лѣни
Смотритъ, какъ въ солнечной п[illegible]
День изступленный горитъ.

Въ переулокъ солнце шмыгнуло
И скатилось, тучи задѣвъ.
Заглушаетъ храпѣніе мула
Бубенцовъ недовольный припѣвъ.

Вся прокуренная харчевня
Спитъ въ цвѣтеньи вьющихся розъ,
И сгрудились дома деревни,
Словно стадо испуганныхъ козъ.

Мнѣ пріятно со странникомъ въ ногу
Уходить въ зеленый туманъ,
Узнавать поля и дорогу
И подвыпившихъ старыхъ крестьянъ.

Все забывъ, что глухими годами
Оплетало, какъ душная сѣть,
Разговаривать съ городами,
Съ темносиними площадями,
Беззаботнымъ голосомъ пѣть!

Оттого, что больше душа не цѣнитъ
Запыленное бытіе,
И любовь, что при желтыхъ свѣчахъ на сценѣ
Старый теноръ уныло поетъ,

Мнѣ не надо порывовъ и неуютныхъ
Распаляюще-длинныхъ сновъ
И такихъ обветшалыхъ, такихъ лоскутныхъ,
Обреченныхъ забвенью словъ.

Мнѣ остались травы, чтобъ въ нихъ укрыться,
Кипарисъ, чтобъ свѣчей сгорѣть,
И земной, крѣпчайшій запахъ корицы,
И морскіе гребни, и бѣлыя птицы,
Поющія на зарѣ!

Веревочныя, ласковыя струны,
Цвѣтныхъ рубахъ висячіе сады...
Въ порту, гдѣ пыльно зеркало воды,
Надтреснуто покашливаютъ шхуны.

И яхты, будто яблони легки,
И паруса нахмуренно-суровы;
Игрушечные пляшутъ моряки
На броненосца палубѣ лиловой.

И въ жаркій день для взора и для слуха
Нестрашно все: и черные слѣды,
И свистъ трубы, и угольная муха,
И волны, умоляющія глухо,
Чтобы Господь избавилъ отъ бѣды!

Знакомо все: въ пыли садовъ
Той пальмы узкая колонна
И гусеницы поѣздовъ,
Едва ползущія по склонамъ.

Куда уйти отъ синевы,
Такой назойливой и пылкой?
Среди всклокоченной листвы
Зеленое стекло бутылки,

И въ гущѣ помутнѣвшихъ травъ
Кровавые цвѣтовъ порѣзы.
Здѣсь въ теплой сырости канавъ,
Ржавѣя, старится желѣзо,

Здѣсь превращается въ вино
Неровный бисеръ винограда,
И чайка на морское дно
Стрѣлою падаетъ, и рада.

Гуляетъ лодка въ морѣ свѣтлосинемъ,
Гремитъ въ порту нагрузки толчея.
Въ отяжелѣвшей розовой корзинѣ
Огромныхъ рыбъ лоснится чешуя.

И паруса зыбятся все короче,
Не сосчитать трепещущихъ листовъ.
На палубѣ струя воды клокочетъ
Среди канатовъ, бочекъ и винтовъ.

Качаются разорванныя сѣти,
Ихъ дерзкій и соленый вѣтеръ бьетъ
И снова вензелями солнце мѣтитъ
Недвижное пространство бѣлыхъ водъ,
И лебедемъ въ непобѣдимомъ свѣтѣ
Высокій выплываетъ пароходъ.

Въ буйной зелени прячутся дачи,
Набухаютъ дождемъ небеса.
Подгоняетъ посвистъ рыбачій
Темнокрасные паруса.

И баркаса тяжелые клещи
Рѣжутъ водный, суровый покровъ.
Въ позднемъ солнцѣ рыба трепещетъ,
Серебристый мерцаетъ уловъ.

Здѣсь брожу, и сердце трезвонитъ,
Шелестятъ подъ ногою пески,
И доноситъ вѣтеръ, и гонитъ
Всѣ слова, что въ рупоръ ладони
На закатѣ кричатъ рыбаки.

ИСПАНІЯ

Играютъ дѣти въ подворотнѣ смрадной,
Пушистый котъ насмѣшливо блудитъ,
И съ крикомъ тянется младенецъ жадный
Къ пустымъ мѣшкамъ свисающей груди.

И высохшій старикъ сѣдобородый
Сидитъ недвижно въ тучахъ табака.
Тасуетъ ожирѣвшую колоду
Когтистая, цыганская рука.

По вечерамъ людей бездомныхъ своры,
Въ постеляхъ сновъ мучительный недугъ.
Безрадостныя, бѣшеныя ссоры
Ударъ ножа заканчиваетъ вдругъ.

Не та страна лихого перебора
И каблучковъ и рьяныхъ кастаньетъ,
Но улицъ мгла у синяго собора,
Куда зари не попадаетъ свѣтъ,

Не звѣздный хоръ, не запахъ моря лѣтній,
Не хвостъ луны, зеленый и живой,
И, все-таки, трава въ тысячелѣтней,
Въ надтреснутой мерцаетъ мостовой.

ГЕТТО

Таились въ каменныхъ норахъ,
Въ безглазомъ стенали гробу,
Носили пятно позора,
Клеймо заботы на лбу.

Среди мышинаго писка
Читался священный стихъ.
Тамъ выкупъ добрый епископъ
Съ безсильныхъ бралъ и сѣдыхъ

За свѣтлую муку рожденья
И страшное чудо конца,
За то, что жили подъ сѣнью
Его золотого дворца,

За право на бѣдномъ свѣтѣ
Косымъ улыбаться днямъ,
За счастье ходить по этимъ
Позеленѣвшимъ камнямъ.

Площади солнце мелетъ,
Вѣтеръ мететъ и крутитъ.
Свѣтлыхъ заборовъ прутья,
Вижу, въ лучѣ заблестѣли.

Солнце скрывается въ плитахъ,
Въ камня розовыхъ порахъ,
Въ докахъ пылью покрытыхъ,
Въ корабельныхъ конторахъ,

Золотомъ утреннимъ брезжитъ,
Пахнетъ огнемъ и анисомъ,
На голубомъ побережьи
Гладитъ лапы медвѣжьи
Въ даль уходящего мыса...

•

Смѣшное, замысловатое,
Средь гравія и песковъ,
Изъ жизни прошедшей взятое
Шествіе стариковъ.

Все еще къ небу тянется
Лобъ въ крутыхъ завиткахъ,
Проплываютъ жеманницы
Съ томной мукой въ глазахъ.

Оркестра въ розовомъ склепѣ
Слышится трескъ и громъ,
На грудь поблекшую пепелъ
Сыплется сѣрымъ дождемъ.

И море, старчески-пѣнное,
Дрожа, омываетъ утесъ,
И солнце проникновенное
Мелодіей довоенною
Жужжитъ надъ пухомъ волосъ.

ЖЕНА ИГРОКА.

Упрямый, грузный, низколобый
Сидѣлъ, лоснилась сѣдина,
А рядомъ въ ужасѣ и злобѣ,
Въ оцѣпенѣніи жена

Слѣдила, какъ безшумно-ватны
Скользятъ лакеи по стѣнѣ,
Ей пальцевъ видѣлся квадратный,
Тяжелый оттискъ на сукнѣ.

Въ огромномъ золотомъ манежѣ,
Однообразны и легки,
Десятилѣтьями все тѣ же
Рысцой ходили старики.

Кружился воздухъ разогрѣтый,
Наперченный и острый духъ,
И копья черныя валетовъ
Пронзали клѣтчатыхъ старухъ.

Все это видѣли орбиты
Безслезныхъ глазъ. Такой удѣлъ
Суровъ. Но кудри были взбиты,
Но крупный жемчугъ шелестѣлъ,

Но все разсчитано, немило,
До жесткого испито дна,
Все было ясно: до могилы
Безумію обречена.

Въ темнозеленой чащѣ
Карточныхъ адскихъ лѣсовъ,
Въ этомъ оркестрѣ свистящихъ,
Сдавленныхъ голосовъ,

Средь позолоченной лѣпки,
Помутнѣвшей слегка,
Карты держащая цѣпко,
Старческая рука.

Поздняя страсть затмила
Память, разсчетъ и страхъ,
Только вздуваются жилы
На запавшихъ вискахъ.

Словно магнія вспышка
Пьяно азартъ гудитъ,
Часто ходитъ манишка
На опаленной груди...

И грѣетъ воля живая,
Послѣдняя искра огня,
Глаза, какіе бываютъ
У загнаннаго коня.

Мелькаютъ годы. Можетъ статься,
Другъ друга снова мы найдемъ.
Намъ суждено еще встрѣчаться
За длиннымъ карточнымъ столомъ.

Не выдастъ взглядъ, не обозначитъ
Всего, что въ глубинѣ живетъ.
Въ улыбкѣ радостно собачьей
Мы блекнувшій оскалимъ ротъ,

Протянемъ руки, и, неправое,
Послушно сердце дастъ огонь.
О, какъ оно дрожитъ лукавое,
Покуда въ желтомъ дымѣ плаваетъ
Неощутимая ладонь.

Осенняго неба милость,
Нестрашный, послѣдній громъ,
Какъ-будто, земля притаилась
Въ безсильномъ гнѣвѣ своемъ.

Здѣсь въ сумрачной непогодѣ,
Среди завитыхъ ягнятъ,
Крестьянинъ по мостику ходитъ,
Усталыя доски звенятъ.

Это настухъ суковатой
Дубинкой мѣряетъ шагъ.
Лоснится даль. Синеватый
Чужеземенъ оврагъ.

Поблекшее облако, птицы
На выступѣ сѣрой трубы,
И — не убѣжишь отъ судьбы
И негдѣ душѣ пріютиться:

Четыре жандарма. Граница.
Некрашенные столбы...

Воздѣланы поля и огороды,
И розами оплетены дома.
Страны, текущей молокомъ и медомъ,
Подземные богаты закрома.

Въ густыхъ лугахъ торжественное стадо,
Пастухъ обѣдаетъ, о камень точитъ ножъ,
И каждый годъ на сборѣ винограда
Чудесно веселится молодежь.

Ревнуютъ, женятся, законы непреложны,
Не здѣсь ли благоденствію царить?
Сіяетъ васильковъ привѣтъ дорожный,
И мнѣ не вѣрится, что эту землю можно
Кровавыми слезами обагрить.

Что блѣдный поползетъ и все застелетъ
Снарядовъ дымъ, страшнѣе не найти,
Чтобы деревни тихія пустѣли,
Чтобы телѣги черныя скрипѣли
И стономъ оглашались всѣ пути.

Полдень въ улицахъ тѣсныхъ
Однообразенъ и тихъ:
Ходятъ крестьяне въ воскресныхъ
Воротничкахъ тугихъ,

Рыболовъ одинокій
Свѣсилъ ноги въ тоскѣ,
Лучъ дрожитъ въ челнокѣ,
Гнется парусъ высокій...

Городъ голубоокій
Спитъ на недвижной рѣкѣ.

На площади пылью изъѣденной
Лучъ на деревьяхъ погасъ,
И чудо свершилось въ обѣденный,
Самый томительный часъ.

Въ часовнѣ, гдѣ сумракъ ощупала
Желтыхъ лампадокъ вязь,
Запѣла птица, подъ куполомъ
Равномѣрно кружась.

Ласточка синеперая,
Какъ-будто средь набожныхъ нивъ,
Летала божественно-скорая,
Но спали старухи хворыя,
Въ молитвенникъ носъ опустивъ,

Рукою старческой, длинною,
Страницами колыша,
Не вѣдая, что невинная,
Кружится здѣсь единая
Сіяющая душа.

Скулитъ щенокъ лопоухій,
Хвостомъ виляя кривымъ.
Пугливо бродятъ старухи
По улицамъ тѣневымъ.

И городъ лежитъ невеселъ
Недвиженъ, сумрачно-сѣръ,
И тѣсно отъ плюшевыхъ креселъ,
Отъ полысѣвшихъ портьеръ

Въ домахъ, гдѣ докучной зѣвотою
Сердца навѣки свело,
Гдѣ зеркало позолотою
Узорною истекло,
Гдѣ рыбка стучитъ большеротая
Въ акваріума стекло.

Нѣжной осенней весной
Вѣтви краснѣли и падалъ
Дикого винограда
Свернутый листъ шерстяной.

Не прерывали игры
Дѣти въ дремотномъ туманѣ.
Въ маленькомъ ресторанѣ
Мѣрно стучали шары.

Темныхъ бутылокъ стѣна
Свѣтъ отражала и мимо,
Мимо идущихъ. Любимый
Песъ дремалъ у окна.

Всхрапывала тишина.
Солнца лучъ нелюдимый
Спалъ въ стаканѣ вина.

ВОЕННОЕ КЛАДБИЩЕ.

Въ раздуміи остановилось время,
Худые кипарисы смотрятъ ввысь.
Ты, кладбищу покинутому всѣми,
Забытому, прохожій, поклонись!

Ты посмотри, какъ надписи лукавятъ
Въ мерцаніи искусственныхъ цвѣтовъ,
Какъ подъ ногами всхлипываетъ гравій
Среди геометрическихъ крестовъ.

Подсчетъ законченъ. Страшные итоги
Подведены. Молчитъ сѣдая твердь.
Здѣсь такъ безславно опочили в Богѣ,
На дымномъ полѣ встрѣтившіе смерть.

Здѣсь грѣетъ солнце въ бѣлизнѣ напрасной,
Іюльскій вѣтеръ на лету застылъ...
Ты посмотри, какъ пушки безучастно
Оберегаютъ тишину могилъ!

Большей радости нѣту,
Чѣмъ лѣтній улавливать гамъ,
Но ты, читая газету,
Бредешь по этимъ лугамъ.

Темнѣетъ золото пашенъ
Въ разливѣ тягостныхъ строкъ,
И будто кровью окрашенъ
Чистѣйшій горный потокъ.

Такъ въ сердце зелени юной,
Въ небесный розовый дымъ
Глядятся пушки чугунно
Тяжелымъ окомъ своимъ.

И въ долахъ, гдѣ вѣтеръ кличетъ,
Песокъ взметая слѣдовъ,
И въ этомъ спокойномъ, птичьемъ
Царствѣ, среди садовъ

Растетъ и растетъ величье
Разрушенныхъ городовъ.

Въ ту зиму страшную, когда слѣды
Разбитыхъ дрогъ назойливо чернѣли,
И люди беззащитные пьянѣли
И плакали отъ запаха ѣды,

Тогда таинственен и невѣсомъ
Сталъ міръ вещей. Врывался вѣтеръ въ клѣти,
И выстрѣлы гудѣли на разсвѣтѣ,
И ледъ стоналъ подъ сѣрымъ каблукомъ.

Въ ту зиму темную мороза ножъ
Вонзался въ сердце, раны холодѣли,
И черное катилось по панели,
Глухое и солдатское: даешь!

Поѣзда войсковые шипѣли.
Красный дымъ бѣловатымъ штыкомъ
Былъ изрѣзанъ. Солдаты пѣли,
О щеку подпершись кулакомъ.

Что солдатской судьбы случайнѣй ?
Что сокрыто въ завтрашемъ днѣ ?
Жестяной колыхался чайникъ
На коричневомъ, старомъ ремнѣ.

Голосами колеса хворыми
Голосили со всѣхъ сторонъ.
Оглушительными подборами
Сапоги терзали перронъ.

Въ деревенскомъ широкомъ румянцѣ,
Вдругъ оторванные отъ земли,
На войну, на войну новобранцы
На плечахъ мѣшки волокли.

Метались лошади сонныя,
Барабаны били отбой,
Падали истомленные
Люди въ снѣгъ голубой.

Штыки живыми аллеями
Колыхались, и только одна
Надъ пустыми жила траншеями
Окровавленная луна.

А въ ночной тиши замороженной,
Средь сосулекъ и свѣтлыхъ льдовъ,
Сколько было пьяныхъ исхожено,
Обездоленныхъ городовъ!

Развѣвался на голой окраинѣ
Одинокій, огненный флагъ,
Стыли улицы, псами облаены,
И синѣлъ небесный оврагъ.

Въ этомъ мірѣ, на мукахъ помѣшанномъ,
Каждый мигъ изживая стократъ,
Мы въ морозномъ стеклѣ занавѣшенномъ
Различали шинели солдатъ.

И теперь еще мозгъ неувѣренный,
Одичалый, кладбищенскій умъ
Помнитъ грохотъ повозокъ размѣренный
И команды ревущій шумъ,

Броненосцевъ сѣдое желѣзо,
Гулкій портъ, что сразу затихъ
И, гуляющихъ по волнорѣзу,
Голубей шумливыхъ и злыхъ.

Но день насталъ, до страннаго похожій
На прочіе ликующіе дни.
Шипѣлъ кофейникъ, кресла темной кожи
Ловили змѣевидные огни.

Трещалъ паркетъ легко и удивленно,
Горѣли окна, нѣжился балконъ,
И даже хрипъ тягучій телефона
Переходилъ въ торжественный трезвонъ.

И вдругъ пришло — съ раскрытыми зрачками,
Съ подвязанной, недвижной головой,
И голубые стали мѣдяками
Глаза, и черныя рыданья сами
Изъ горла гулкой хлынули струей.

И все открылось въ часъ смятенья лютый:
Простое счастье, нѣжность и обманъ,
Такъ видитъ жизнь въ послѣднія минуты
На подвигъ обреченный капитанъ,

Такъ спитъ солдатъ въ снарядовъ грозной чащѣ,
Во снѣ вкушая сладостный покой...
Открылось мнѣ, что здѣсь за настоящій,
Прекрасный мигъ, за этотъ шумъ людской,
За право жить, за все плачу дрожащей,
Отъ страха онѣмѣвшею рукой.

Лошадиные трупы и морды
Обнаглѣвшихъ собакъ. До зари
Продолжался мучительно-твердый
Пулеметный обстрѣлъ. Фонари

Не горѣли давно, и зіяли,
Обнажаясь, дома безъ стыда.
Не гудѣли на тускломъ вокзалѣ
Бездыханные поѣзда.

Городъ былъ, какъ покинутый улей,
Всѣми брошенный на бѣду.
Въ эту осень баркасы тонули,
И матросы бродили, сутулясь,
И посвистывая на ходу.

Прибой раскачивалъ подпорки,
Подпрыгивая вновь и вновь.
Стоялъ морякъ мохнато-зоркій,
Рукою прикрывая бровь.

Онъ съузившимися зрачками
Смотрѣлъ и мѣрилъ свой приходъ:
И сѣрое пространство водъ
И то, какъ двигался толчками
Шумливый старый пароходъ.

Подъ нимъ вода шипѣла зло,
Совсѣмъ безпомощно вращаясь,
Кренило палубы крыло,
И масло на волну текло, —

И, посмотрѣвъ, ушелъ, качаясь,
Размѣренно и тяжело.

1935

Кричалъ капитанъ мѣднолицый,
И ругань была крѣпка.
Изъ трубъ пароходныхъ зарницы
Обстрѣливали облака.

Я лѣтній пожаръ безъ края
Въ сердцѣ своемъ не тушу.
Я тотъ пароходъ вспоминаю,
Что плавалъ по Иртышу.

Высокія, синія села,
Причала густые свистки,
На палубѣ черный околышъ
И пестраго ситца платки,

И солнечный сумракъ поющій,
И хрупкое влаги стекло...
Я помню, въ полуденной гущѣ,
Какъ «майна» — смѣялся грузчикъ,
И «вира» — эхо несло.

Дулъ особенный, забубенный,
Душный вѣтеръ по краю аллей.
Недовольно тянули бонны
Упирающихся дѣтей.

Экипажи мчались, и дерзкій
Кучеръ пѣлъ изъ послѣднихъ силъ.
Тамъ задумчиво стэкъ офицерскій
По землѣ раскаленной водилъ.

И въ полуденномъ, бѣломъ дымѣ,
Городской суетѣ на зло,
Всѣхъ прелестнѣе, неповторимѣй,
Простое женское имя
Въ затоптанномъ щебнѣ цвѣло.

ОСЕНЬ.

Въ рѣкѣ небесные осколки
И на дорогахъ яблонь сѣнь
И бѣлыхъ занавѣсокъ чолки
Въ потухшихъ окнахъ деревень.

Ползутъ туманы, ночью душатъ.
Я вижу въ безконечномъ снѣ,
Какъ наши обнищали души
На этой жалкой сторонѣ.

Здѣсь только слышно, какъ несмѣло,
Тяжелый плодъ дрожитъ во мглѣ
И падаетъ у ногъ незрѣлый,
Какъ воетъ вѣтеръ оголтѣлый,
И, обреченное, свѣтлѣй
Больного солнца, свѣтитъ тѣло
Дождемъ израненныхъ полей,

Плѣняли русской осени примѣты:
Стволы замшѣлыхъ вязовъ и осинъ,
Тяжелые, садовые букеты
Съ фонариками красныхъ георгинъ,

Струи дождя по клавишамъ желѣзнымъ,
Земли большой и жадно пьющій ротъ,
По вечерамъ безлуннымъ и беззвѣзднымъ
Скрипѣніе простуженныхъ воротъ.

Подъ смѣхъ воронъ и крикъ многоголосый
Въ поляхъ вставалъ разсвѣта бѣлый дымъ,
И въ черноземѣ хлюпали колеса,
И паркъ унылый, граблями расчесанъ,
Тревожно спалъ подъ небомъ неживымъ.

Далекій городъ каменную руку
За мною тянетъ. Связи не порву.
Дано смотрѣть мнѣ въ небо близоруко,
Безпомощно глядѣться въ синеву.

Мнѣ не понять таинственнаго спора,
Что съ темнотой ведетъ раскосый лучъ,
Когда пѣтухъ предсказываетъ скорый,
Колючій дождь изъ невысокихъ тучъ.

И я брожу, красы пугаясь дикой,
Внезапныхъ шумовъ, гулкой пустоты...
И мнѣ терзаютъ платье ежевики
Назойливые, цѣпкіе кусты.

Скромно прятался клеверъ безликій
Среди буйно растущихъ цвѣтовъ.
Валуны громоздились дико,
Зеленѣли балки мостовъ.

Всѣ входящие были желанны
И привѣтствовалъ ихъ не разъ
Гомонъ птицъ, и свѣтлый и рьяный.
Открывались лѣсныя поляны
Остротѣ искушенныхъ глазъ.

И торжественнѣе и гуще
Не звучалъ еще солнечный строй
Надъ стрекочущей, надъ поющей,
Обагренной лучами землей.

Цвѣта небесной стали
Тучи качались легки,
И фонарей мигали
Бѣлые свѣтляки.

Дерево круглоголовое
Синій сумракъ насло.
Падало въ озеро новое,
Блещущее весло.

И въ чистотѣ акварели
Было всего яснѣй
Длинное ожерелье
Изъ голубыхъ огней.

Приходили чумазые дѣти
Въ нашъ усыпанный гравіемъ садъ.
Намъ татаринъ носилъ на разсвѣтѣ
Освященный росой виноградъ.

Отъ морского, далекого гула
Сладкій шумъ стоялъ въ головѣ.
Проходили погонщики муловъ.
Было видно, какъ барка вздремнула
На непрочной морской синевѣ.

1934.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ

Въ пріоткрытомъ окнѣ круглолицый
Котъ виднѣется, важенъ и толстъ.
Надоѣдливый жукъ садится
На потертый, старенькій холстъ.

Подхожу подъ благословенье
Этой солнечной высоты.
Я съ дорожекъ сгоняю тѣни
И считаю вѣтки сирени
И взъерошенные кусты.

Хорошо нежданной весною
На костыль мѣняя кровать,
Разговаривать съ тишиною,
По воскресшей землѣ ступать.

У еще неокрѣпшихъ учиться
Свѣтлыхъ кленовъ. Въ небесномъ огнѣ
Видѣть тощее зданье больницы
И смотрѣть, какъ смѣшливыя птицы
Отдыхаютъ на чугунѣ.

От чужихъ отгороженное
Дѣтство въ иныхъ краяхъ;
Сахарное мороженое
На ледяныхъ губахъ,

Эти заборы еловые,
Изумрудъ съ бирюзой,
Эти собаки дворовыя,
Съ вѣчной, собачьей слезой,

Дачный поѣздъ съ прицѣпкою,
Пыльной дороги концы,
Въ лавкахъ на стойкѣ крѣпкіе,
Розовые леденцы.

Благодать захолостную
Сладко вдыхаетъ грудь.
Слышу слова неискусныя,
Слушаю пѣсенку грустную,
Что не догнать, не вернуть!

Гіацинты восковые,
Распустившійся тюльпанъ,
Утра розовый туманъ,
Все живое, всѣ живые:

И овечка на вершинѣ
Золотого кулича,
Сахарный и ломкій иней,
И крахмальный, свѣтлосиній
Блескъ полдневнаго луча,

На гуляньи карамели,
И орѣхи, и качели,
И смѣющійся, хромой,
На подмосткахъ, какъ на тронѣ,
Клоунъ въ бѣломъ балахонѣ,
Въ балахонѣ съ бахромой!

Когда сумерки свѣтло-молочные
Появились изъ пустоты,
Расцвѣли на газонахъ прочные
И коричневые цвѣты.

О чугунъ высокой скамейки
Бились вѣтки. Въ пескахъ неживыхъ,
Воробей на ногахъ кривыхъ
Жадно пилъ, нагибая шейку,
И садовникъ ходилъ въ душегрѣйкѣ
И большихъ очкахъ роговыхъ.

1934

Легкія и безродныя
Бабочки въ синевѣ,
Чучела огородныя
Въ невысокой травѣ,

И поросшій крапивою
Деревенскій обрывъ,
И ручьи говорливые,
Гдѣ рыболовъ терпѣливъ,

Склонъ, вѣтрами отточенный,
Медленные пески,
И камышъ, позолоченный
Вдоль широкой рѣки,

И, по дорожнымъ обочинамъ,
Спящіе васильки.

Шумливо птицы будили,
Грядущій радуя день.
Мы въ мокрой травѣ бродили,
Въ саду ломали сирень,

Смѣясь весеннему чуду,
Всему, что на свѣтѣ живетъ,
Въ водѣ и въ воздухѣ, всюду,
Всякому встрѣчному люду,
Всякой тѣни воротъ.

Мы злаки другъ другу подобные
Различали. Была дана
Обновленному сердцу беззлобная,
Темнобурая цѣлина.

Моему мужу, С. И. Брейнеру

ШВЕЙЦАРІЯ

1.

Росой отягощенные листы
Кофейный запахъ втягиваютъ ранній,
Стоятъ на ослѣпительной полянѣ
На бабочекъ похожіе цвѣты.

И въ говорѣ взлохмаченной рѣки
Гремитъ басокъ привѣтливо-знакомый.
Здороваются дѣти. Старики
Приподнимаютъ шляпы изъ соломы.

И юноша дорожную суму
Несетъ смѣясь. И даже песъ голодный,
Виляя вѣжливо, отходитъ въ полутьму, —
И все пріятно сердцу потому,
Что добродѣтельно и старомодно.

2.

Въ лощинахъ лѣсъ прозрачно-черный
Среди луговъ лежалъ и нивъ.
Ступали лошади покорно,
Сѣдыя гривы наклонивъ.

Съ крутыхъ боковъ стекала пѣна,
Былъ взоръ коричневый въ слезахъ,
По цѣлымъ днямъ возили сѣно
На всхлипывающихъ возахъ.

Вели въ деревню всѣ дороги,
Въ рѣзную ферму межъ вѣтвей,
Гдѣ крыши свѣтятся, пологи,
И пѣлъ мальчишка босоногій
Въ сознаньи важности своей.

3.

Грѣются крыши янтарныя,
Травы дрожатъ опаленныя,
Льются лучи свѣтозарные
Въ чашу долины зеленую.
Въ чашу высокую, рдяную,
Въ эти ущелья узорныя,
Въ эти благоуханныя
Бѣлыя пастбища горныя.
Такъ надъ землей загорѣлою
Свѣтитъ веснущато-нѣжное
Солнце. О камни замшѣлые,
Слышу, брязцаетъ желѣзная
Палка, и бьется безпечное
Сердце потока небыстраго.
Въ зимнюю ночь безконечную
Знаешь ли, кто это выстругалъ? —
Выгоны эти прохладные
Съ пастухами издавними,
Темныя ели нарядныя,
Эти дома шоколадные
Съ леденцовыми ставнями?

4.

На солнцѣ безжалостномъ рдѣли
Причесанные стога,
Безвѣстныя рѣки шумѣли
И вздрагивали луга,

И каждый листикъ былъ нуженъ
Въ тѣнистомъ горномъ раю.
Крестьянинъ снималъ неуклюже
Зеленую шляпу свою,

И темныя кланялись ели,
На бѣлоснѣжной зарѣ
Покатыя крыши блестѣли,
И дѣвочекъ косы желтѣли
Въ прозрачной іюньской жарѣ.

5.

Вода бурлитъ и вздрагиваетъ часто
И пѣнится на розовой рѣкѣ.
Она гремитъ въ уснувшемъ городкѣ,
Гдѣ важно бродитъ сѣдовласый пасторъ,

И дѣвочки, приглаженныя чисто,
Играютъ на нескошенныхъ лугахъ,
Кричатъ свѣтлозеленые туристы
Въ подкованныхъ желѣзомъ сапогахъ.

И эту землю вспахиваютъ гвозди,
И палка бьетъ о камни безъ стыда,
И облаковъ торжественныя гроздья
Касаются пылающего льда.

6.

Еще жары не разошлось томленье
И солнечная тяга горяча,
Но свора тучь на горное селенье
Бросается, воинственно рыча.

Поспѣшно убираются перины,
Растетъ возня за тоненькой стѣной,
Орѣховое стонетъ піанино
И дребезжитъ натянутой струной.

И пѣтухи кричатъ, и еле-еле
Жужжатъ шмели, и лавочникъ мѣшкомъ
Коричневую покрываетъ зелень, —
И новый міръ, какъ-будто, незнакомъ.

Не узнаю струящагося сада,
Всѣ измѣнились камни городка,
Рѣка вскипѣла, вспухли водопады,
И черныя разверзлись облака.

7.

Пока еще горѣли склоны
Въ загара бронзовомъ огнѣ,
Покуда звѣзды-лампіоны
Не вспыхивали въ вышинѣ,

Въ пушистой и беззвучной лѣни
Пока кружился снѣгъ легко,
Рогами чуткіе олени
Ощупывали частоколъ.

И въ нѣжной тишинѣ умытой,
Гдѣ свѣта плавилось ядро,
Ихъ обнаженныя копыта
Свѣтло отстукивали дробь.

Пока домовъ бѣлѣли челки,
Сугробы спали на лугу,
На этомъ солнечной иголкой
Расшитомъ розовомъ снѣгу,

Смѣшные люди проходили
Въ колючей шкурѣ мѣховой,
Изъ тьмы плыли автомобили
И былъ расплывчатъ и безсиленъ
Дыханья паръ надъ головой.

8.

Среди пустого лѣса голого,
Между ущелій и стремнинъ,
Сіяютъ сахарныя головы
Ко мнѣ придвинутыхъ вершинъ.

Играетъ солнце всѣмъ понятное,
И снѣгъ не таетъ до весны,
Игрушечны уборы ватные
Сердитой, мачтовой сосны.

Несвязанныя и голодныя
Стучатъ сердца на перебой,
И имъ въ отвѣтъ щенки безродные
Скулятъ, и плачутся холодныя,
Сухія вѣтки подъ ногой.

9.

Снѣжинки лицо ласкали,
На холодѣ горячи.
Во льду дорогу искали
Стремительные ключи.

Пушистые сани сновали,
Стальные пылали коньки,
И громко и вкусно жевали
Морозный воздухъ щенки,

И вѣтеръ съ дальняго юга
Пріостанавливалъ бѣгъ,
И угольщикъ черный уголь
Ронялъ въ сиреневый снѣгъ.

10.

Хочешь, горы поглажу
Заиндевѣвшей рукой.
Снѣгъ затвердѣетъ и ляжетъ,
Всю городскую поклажу
Запорошило легко.

Подъ саней безыскусный
И размѣренный бѣгъ
Лошадь нюхаетъ вкусный,
Нѣжно-разсыпчатый снѣгъ.

Паръ выдыхаютъ и плачутъ
Ноздри, искрится взглядъ.
Кучеръ то вскрикнетъ, то вскачетъ,
Вмѣсто усовъ висячихъ
Двѣ сосульки горятъ.

11.

Смѣялись воробьи блаженные,
И солнце въ комнату текло,
Струили олеандры плѣнные
Италіянское тепло.

Отъ печки было сладко ль, жарко ли,
Скрипѣли кресла въ уголкѣ
И туфли войлочныя шаркали
На вытертомъ половикѣ.

12.

БРІЕНЦЪ.

У этихъ водъ, гдѣ звѣзды, трепеща,
Играли, сонныя, въ голубоватой стали,
Такъ романтически, такъ горестно взлетали
Концы его знакомаго плаща.

Тогда поэтъ во тьмѣ скитальца встрѣтилъ
И навсегда въ себѣ запечатлѣлъ,
Года прошли, но ликъ остался свѣтелъ
И для него безсмертіе — удѣлъ.

И нѣтъ временъ кроваваго накрапа,
Унынія губительныхъ оковъ,
Ужъ на края широкополой шляпы
Ложится золотая пыль вѣковъ.

У этихъ водъ, синѣй чѣмъ взоръ младенца,
Гдѣ онъ томился, къ вѣчности спѣша,
Прислуга отвѣчала намъ, шурша
По скатерти суровымъ полотенцемъ.

И мысль вошла и встала не дыша,
Что, Байронъ, Ваша бурная душа.
Еще живетъ у береговъ Бріенца.

13.

Подъ вечеръ звѣзды все ближе,
Близка крутизна дорогъ.
Въ одной изъ брошенныхъ хижинъ
Кто-то огонь зажегъ,

Который въ свѣтломъ испугѣ
То гаснулъ, то выросталъ.
Я помню, въ созвѣздій кругѣ
Бѣлый огонь леталъ.

Онъ струйкой вспыхивалъ длинной,
Онъ тьму озарялъ окрестъ:
И пропасти и долины
И въ скалахъ распятый лѣсъ,

И ночь, какъ блуднаго сына,
Принимала его въ единую,
Синѣйшую твердь небесъ.

14.

Дуга небесъ поетъ спросонья,
Бряцаетъ ледъ на берегу.
Какъ въ чернотѣ своей вороньей
Деревня молится въ снѣгу!

Не вой сирены удивленной
Хранитъ ущелій полумгла,
Не гулъ охоты изступленной, —

Гремятъ въ тиши свѣтлозеленой,
Подвѣшенные къ небосклону,
Высокихъ горъ колокола!

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШВЕЙЦАРІЯ.

Imp. Beresniak, 12, r. Lagrange, Paris

ДОМЪ КНИГИ

MAISON DU LIVRE ÉTRANGER

9, rue de l'Eperon — Paris 6e